

Алексей Кириллов: русский герой в пространстве западной философской мысли XIX-XX веков

Научный руководитель – Давыдов Вячеслав Александрович

Грачева Кристина Игоревна

Студент (бакалавр)

Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия

E-mail: gradewacristina@yandex.ru

Фёдора Михайловича Достоевского называют предтечей экзистенциализма. Это связано с тем, что в творчестве писателя есть мотивы, которые позже стали каноном экзистенциальной философии. Темы поиска смысла жизни, вопросы пределов человеческой свободы и своеволия — центральные в романе «Бесы». Название романа метафорично: «бесы» — это не внешние сущности, а внутренние психические состояния, идеи-вирусы, которые овладевают человеком, подменяя его личность, высмеиваются автором через образы своих героев. На одном из них хочется остановиться - образ Алексея Кирилова является промежуточным между русской богобоязненной философией и новыми западными идеями, которые получают свое “место под солнцем” в следующем столетии.

Достоевская идея человекобога первостепенна свехчеловеку Ницше. Человекобог достигает богоподобности на основе самопознания, приобщаясь не непосредственно к образу Божию, а через собственные представления. В этом самоутверждении происходит отрицание самой человеческой природы. Стать Богом можно избавившись от страха смерти, убив себя. Идея сверхчеловека у Ницше — это образ идеального человека, который преодолел все свои ограничения: привычные убеждения, моральные нормы, традиции. Сверхчеловек формирует собственные ценности, отличные от ценностей большинства (то есть создаёт собственную этику, основанную на его уникальных потребностях и желаниях). Он может не подчиняться внешним авторитетам и действовать согласно своим порывам и желаниям. Сверхчеловек осознаёт силу своего разума, стремится к самопознанию, чтобы понять свои истинные мотивы и желания, что позволяет ему жить осознанно и устанавливать внутренние ориентиры. Сверхчеловек не боится смерти: он принимает её неизбежность и живёт с полной отдачей своему делу [3]. Отличие содержания понятий состоит в разных онтологических основаниях: у Достоевского основа и начало всего — это Бог, у Ницше — воля к власти. С точки зрения Достоевского, сверхчеловек Ницше, являющийся усовершенствованным образом человекобога, предстаёт ничтожной тварью, потому что отказывается от Бога, то есть в системе русского писателя он тем самым отвергает свою подлинную природу.

Кириллов олицетворяет идею абсолютной свободы, которую Ницше рассматривал как необходимую для достижения подлинного существования, истинная свобода возможна только через преодоление страха смерти. Это стремление к свободе и независимости от традиционных моральных норм делает его близким к концепции "сверхчеловека", который создает свои собственные ценности. Кириллов создает веру, в которой нуждался сам. Его действия и мысли отражают внутреннюю борьбу с традиционными представлениями о добре и зле.

“Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот чего надо!” - слова Верховенского, некогда идейного друга и вдохновителя Кирилова, ставят его перед выбором стать себялюбивой мразью с наставником в лице Петра Степановича или осквернить веру, став новым Богом [1]. Важным аспектом философии

Кириллова является его восприятие самоубийства как высшего акта свободы. В "Мифе о Сизифе" Камю напротив утверждает, что жизнь по своей природе абсурдна и подчинена общим законам, и единственный способ справиться с этим — это принять абсурд и продолжать жить [2]. Кирилов и Сизиф в данном примере - антиподы.

Желание быть своим приводит к кризису идентичности. Кирилов один из пяти, “пяти тех, кто сможет изменить судьбу своей страны” - эта мысль также принадлежит Верховенскому. Однако даже в самых утопических сценариях Петра Степановича это не более, чем фрондирование, так как не он, не его “пятерка” не имеет под собой материальную базу, в случае победы революции, но Верховенского не особо волнуют судьбы подопечных, он доводит дело до конца, воспользовавшись перепадом на котором стоял Кирилов. Главный герой Сартровской “Тошноты” Рокантен чувствует отвращение к привычным вещам и людям, в конце, понимает, что он сам создает смысл своей жизни, принимая свою свободу и ответственность за свои действия, тем самым выходя из него [4]. Стремление Кириллова, сталкивающегося с жестокой реальностью, мы здесь противопоставляем отращению Рокантена к окружающему миру, иллюстрируя, как внутренние конфликты и кризисы могут стать катализаторами для самопознания и личностного роста.

Лев Шестов в своей работе «Достоевский и Ницше» обращает особое внимание на метафизическую глубину образа Кириллова, он подчёркивает: Кириллов не просто отрицает Бога — он стремится занять Его место, провозглашая себя единственным источником смысла и закона. В этом проявляется трагическая амбиция человека, желающего стать «богом без Бога»: «Кириллов хочет доказать, что если Бога нет, то он, Кириллов, должен стать богом» [5]. Это не бунт, это попытка созидания нового бытия», при помощи сатанинского извращения, высмеивающие путь назарянина на Земле.

Не менее важным для понимания полноты образа является исторический контекст, в котором находился Федор Михайлович Достоевский. XIX век в России - эпоха тайных обществ, и позднее кружков, как известно, Достоевский состоял в одном из таких - кружок петрашевцев, участники которого были арестованы в 1849 году по обвинениям в распространении запрещённой литературы и участии в тайных собраниях. Еще одно не менее громкое дело середины XIX века - «нечаевщина», убийства студента Иванова, подозреваемого в сотрудничестве с властями, эти события нашли отражение в романе «Бесы». Образ Алексея Кириллова, созданный Ф. М. Достоевским, тесно связан с историческими реалиями, в которых жил сам Алексей Кириллов представляет собой яркий пример внутреннего конфликта, возникающего на фоне радикализации общественных настроений и разрушения традиционной системы ценностей. Он - воплощение экзистенциального кризиса личности, оказавшейся на переломе эпох: он мучительно ищет основания для бытия в мире, где прежние религиозные и нравственные ориентиры утрачивают силу.

Источники и литература

- 1) Достоевский, Ф. М. Бесы. Москва: Издательство «АСТ», 2021.
- 2) Камю, А. Бунтующий человек; Миф о Сизифе. Москва: Издательство «АСТ», 2022.
- 3) Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Москва: Издательство «Азбука», 2014.
- 4) Сартр, Ж.-П. Тошнота. Москва: Издательство «АСТ» , 2022.
- 5) Шестов Л. И. Достоевский и Ницше: Философия трагедии. Санкт-Петербург: Издательство «Академический проект», 2020.